

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Стефан

Малларме

1995
МОСКВА
«РАДУГА»

БЕЛАЯ КУВШИНКА

Я долго греб отчетливо и мерно, стараясь столь же мало замечать свои движения, сколько и смех протекавшего времени. Казалось, я не двигался совсем, и когда шорох от внезапной остановки на мели, в которую до половины врезалась моя лодка, достиг моего слуха, я заметил, что не плыву дальше, только по неподвижному сверканию букв, написанных на веслах, поднятых над водою. Остановка напомнила мне об окружающей жизни.

Что же случилось? Куда я попал?

Чтобы вполне уяснить себе свое положение, я должен был припомнить мой ранний отъезд в этот пламенный июльский день вниз по течению ручья, между сонной растительностью, вдоль узкого и извилистого русла. Я отплыл, чтобы набрать речных цветов, а кстати познакомиться с местом, где было расположено имение одной знакомой моей знакомой, которую я хотел заодно посетить. Но ни одно растение не привлекло особенно моего внимания, и один за другим уничтожал я виды берега, отражавшиеся в ручье, тем же бесстрастным ударом весла. Наконец я наткнулся на группу тростников, росших посреди реки и положивших таинственный предел моему плаванью. Прегражденная в этом месте водяной рощей река образовала нечто вроде пруда, расширенного задержкой источника.

Более внимательное исследование обнаружило, что это зеленое препятствие на пути течения скрывало за собою арку длинного моста, от обоих концов которого по земле тянулась решетка, ограждавшая лужайки. Я сообразил — в чем дело. Просто тут начинался парк той незнакомки, к которой я ехал.

Хорошенькое место! Эта особа избрала для своего летнего пребывания такой болотисто-непроходимый уголок, что она должна была быть в моем вкусе. Конечно, эта кристальная поверхность есть отражение ее души, укрывающейся от яркой нескромности послеполуденных часов. Она приходит сюда, и прозрачная сень холодно-серебристых ив отлично гармонирует с ясностью ее взора, изучившего каждый листок.

Все в ней представлялось мне священным...

Согнувшись по всем правилам гребного спорта, я остался ждать уже из любопытства, так как в молчаливой окрестности мне чудилось присутствие незнакомки. Я улыбался про себя, предчувствуя начало сердечного плена от возможной близости женщины. Недурным символом этого плена служили ремни, которыми прикрепляются башмаки гребца ко дну лодки. Подобных результатов достигают и с помощью любовных чар.

Как бы ни очаровала меня какая-нибудь, хотел закончить я свои размышления...

Но вдруг чуть слышный шорох заставил меня предположить, что обитательница этих берегов шла нарушить мой отдых, а быть может, и спокойствие бассейна...

Шаги прекратились... Отчего бы?

Неуловима тайна ног, идущих, приближающихся, направляющих наши мысли по капризу милой тени, окутанной в батист и кружева юбки, влекущейся по земле, как бы передавая в своих волнообразных движениях от каблука носку волю, которою управляется походка и отбрасываются назад складки шлейфа, охватывающего эти умные, подобные двойной стреле, ножки.

Знала ли причину своей остановки сама прогуливавшаяся, и не слишком ли много брал на себя я, когда хотел заглянуть за тростники и вопреки сонливости моей мысли, заволакивавшей воображение, старался разгадать тайну?

Каковы бы ни были черты вашего лица, прекрасная незнакомка, определенность их разрушила бы — я чувствую — то очарование, какое создал шорох ваших приближающихся шагов... Да,

то очарование, которое производит женщина, хотя бы ее скрывали даже самые плотные, усеянные алмазами одежды. Ведь достаточно одной общей идеи. Очарование мое не переходит за границы того общего обаяния женщины, помимо наружности, которою она обладает. Определенность же очертаний вашего лица только спугнула бы мое волнение, вызванное совсем не им. Итак, не приходите сюда, не показывайтесь и не нарушайте спокойствия моей тайной царственной мечты...

Я бы мог представиться моей незнакомке в роли водяного пирата, извинившись случаем, приведшим меня к ней...

Но мы и без того вместе, хотя разлучены. В моем убежище на волнах реки, где моя мечта лишена всякой определенности, я достигаю гораздо большей интимности, чем та, какую я мог бы позволить себе даже после целого ряда посещений. Столько пустых фраз придется сказать ей вместо той речи, которую я произнес, не имея в виду быть услышанным, прежде чем добьюсь того полного согласия, каким пользуюсь теперь, обращая свой слух от гладкого борта лодки к молчаливому песку!..

Теперь перерывы в нашем разговоре зависят исключительно от моего желания...

О сладкая мечта! Посоветуй — что же делать?

Убедиться взором в полной пустынности вокруг с тем, чтобы, подобно тому как срывают на память о посещенной местности одну из чудесных кувшинок, выплывающих на поверхность воды и не содержащих в своей белой чашечке ничего, сохранить нетронутым мой сон о небывалом счастье и память о моем задерживаемом из боязни, что кто-нибудь в самом деле появится, дышании и молчаливо отплыть, слегка загребая веслами, чтобы не рассеять случайным толчком своих иллюзий и чтобы даже журчание воды и пена, вскипевшая вслед за моей лодкой, не произвели никакого впечатления, сходного с тем, что могло бы остаться после похищения моего идеального цветка.

Если бы, привлеченная каким-либо необыкновенным чувством, она пришла сюда, мечтательная или гордая, суровая или улыбающаяся, — тем хуже для ее неуловимого личика, которого я никогда не узнаю! Ибо я выполнил уже маневр по всем правилам гребного искусства: оттолкнулся, повернул лодку и поплыл по волнам ручья, унося, точно схожую с благородным лебединым яйцом кувшинку, не оскверненную похищением, мой воображаемый трофей, состоящий в образе той изысканной праздности, которой любит предаваться в летние месяцы в аллеях своего парка всякая дама, останавливаясь порою подолгу на берегу источника или какой-либо другой водяной поверхности.

Перевод Пл. Краснова